

Глава 18

МЯТЕЖ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Московское Государственное совещание крайне раздосадовало Корнилова. Его личные связи с Керенским были на грани разрыва. Керенский не мог забыть, как часто он намекал главнокомандующему, что его дело — следить за фронтом, а не играть в политику в Москве. Он с величайшим неудовольствием позволил Корнилову выступить на совещании и только при условии, что тот будет говорить об армии и фронте как военный специалист и не касаться высокой политики. Но во время революции границы между двумя этими понятиями практически нет, и впоследствии Керенский обвинил Корнилова в нарушении соглашения. В ушах Корнилова еще звенели завуалированные угрозы Керенского, нестерпимые для генерала, не привыкшего к околичностям. Наконец, отставка Савинкова, на которую Керенский согласился, несмотря на возражения главнокомандующего, была воспринята последним как завершающий удар по «программе Корнилова».

Доволен был только Крымов. Ему давно надоели все эти переговоры, соглашения, компромиссы, посредники и ходатаи, сложная политика, напоминающая игру в шахматы, в которой Корнилова всегда переигрывали в эндшпиле. Крымов не верил ни единому слову Керенского и Савинкова. Его собственный план был прост. Существовал «стратегический резерв главнокомандующего», в который входили наиболее надежные части. Под каким-нибудь благовидным предлогом их следовало подвести ближе к столице, а лучше к обоим столицам. Затем одним молниеносным ударом уничтожить Советы, захватить власть и продиктовать свою волю всей стране.

3-й кавалерийский корпус и Туркестанская кавалерийская дивизия были сконцентрированы в районе Невеля, Нижних Сокольников и Великих Лук. Они были очищены от частей, вызывавших сомнение, и усилены более «надежными». Начальник штаба генерал Лукомский тут же понял, что за этим скрывается некая цель, чуждая интересам фронта. Место было самое удобное для броска на Петроград или Москву, но совер-

шенно не подходящее для усиления Северного фронта. Поэтому он попросил либо оказать ему полное доверие, либо отправить на фронт. Корнилов раскрыл карты. Да, его цель — защитить Временное правительство от нападения большевиков и Советов даже против воли самого правительства. Он «повесит германских агентов и шпионов во главе с Лениным» и разгонит Советы. Корнилов хотел доверить эту операцию Крымову, так как знал, что тот «не колеблясь развесит на фонарях всех членов Совета рабочих и солдатских депутатов». Возможно, в последний момент он сумеет заключить соглашение с Временным правительством, но, если согласия последнего добиться не удастся, ничего страшного не случится: «потом они сами скажут мне спасибо».

Цель этой операции была ясна и командирам некоторых участвовавших в ней частей. Согласно князю Ухтомскому, составившему «хронику корниловского похода», хотя в полевом приказе местом назначения был крошечный населенный пункт Усьва на берегу Балтийского моря, «общее мнение склонялось к тому, что мы идем на Петроград... Мы знали, что скоро должен состояться государственный переворот, который покончит с властью Петроградского совета и объявит либо директорию, либо диктатуру с согласия Керенского и при его участии, которое в данных условиях было гарантией полного успеха переворота». Полк был «в полной боевой готовности».

После московского Государственного совещания цели заговора изменились. Теперь он был направлен и против Керенского. Но произошло два события, которые заставили заговорщиков вернуться к первоначальному варианту.

Германские войска форсировали Двину, прорвали Северный фронт и взяли Ригу. Фронт передвинулся ближе к Петрограду; ставке пришлось переместиться на территорию прифронтового Петроградского военного округа, подчинявшегося непосредственно военному министру. Не выполнить это требование было невозможно. Но Керенский боялся, что Корнилов, как он выразился, «сожрет» правительство. Конечно, тут он был прав. Он подумывал перевести правительство в Москву, но понимал, какое впечатление это произвело бы на всю Россию. Все реши-

ли бы, что правительство ударилось в постыдную панику, испугавшись еще далекого врага. Поэтому Керенский пришел к другому решению: резко свернуть направо, заключить мир с Корниловым, сделать последнему большие уступки и гарантировать полное выполнение его программы. В ответ Керенский хотел, чтобы Корнилов очистил ставку от членов Союза офицеров и других подозрительных личностей. Он решил передать под командование Корнилова весь Петроградский военный округ, кроме самого Петрограда с его пригородами, где Временное правительство будет пользоваться экстерриториальностью и управлять по законам военного времени. Керенский настаивал на том, чтобы Корнилов передал ему абсолютно надежную часть вроде 3-го кавалерийского корпуса, но во главе с командиром, лично преданным ему, Керенскому. Принятием программы Корнилова Керенский рассчитывал убить сразу двух зайцев. Это обезопасило бы его от новой атаки левых: самые распропагандированные части Петроградского гарнизона можно было бы отправить на фронт и заменить их свежими, «неиспорченными», а цитадель большевизма Кронштадт разрушить и эвакуировать. Отставку Савинкова Керенский отменил, вернул его на пост военного министра и отправил в ставку со специальной миссией: подготовить окончательное соглашение с Корниловым.

Следующей угрозы правительству Керенский ждал справа. Он отчаянно стремился к военной экстерриториальности Петрограда, вводу туда надежных частей и был готов пойти на все, чтобы добиться своей главной цели. Напротив, Савинков боялся угрозы слева. Он хотел уничтожить Кронштадт и центр столицы, поддерживавшие Совет, избавить правительство от влияния революционно-демократических партий и осуществить в армии программу Корнилова. Савинков сообщил ставке, что правительство намерено принять меры против Кронштадта и «революционного» петроградского гарнизона, чему станут сопротивляться не только большевики, но и все партии, входящие в Совет. На тайном совещании главных заговорщиков — Корнилова, Лукомского, Крымова, Завойко и Аладына — было сказано: «Все выглядит слишком хорошо; возникает опасение, что нас обманывают». До сих пор план заговорщиков осуще-

стваялся в рамках закона. Можно было сказать, что ими командуют сверху. Его выполнению мешало только одно: Керенский и Савинков требовали отстранить генерала Крымова от командования 3-м кавалерийским корпусом. Корнилову пришлось согласиться на это условие. Но в его характере присутствовало восточное вероломство. Он заранее знал, что нарушит обещание. Наступление 3-го кавалерийского корпуса на Петроград и введение военного положения в городе должны были произойти одновременно.

Вторым событием стала «миссия» В.Н. Львова. Этот благонамеренный, но назойливый человек решил, что может и должен предупредить приближавшуюся схватку Керенского и Корнилова. Керенского нужно было спасти от «роковых» последствий его собственного поведения. Керенский боялся разрыва с Советами и поэтому не мог рассчитывать на силы, которые были способны оказать ему поддержку. «Во-первых, — сказал Львов Керенскому, — это кадеты; во-вторых, торговцы и промышленники; в-третьих, казаки; в-четвертых, регулярные части; наконец, Союз офицеров и многие другие». Он подчеркнул, что Советы медленно, но верно переходят в руки большевиков и больше не станут помогать Керенскому; одновременно «озлобление против Советов нарастает... оно уже прорывается наружу и закончится бойней».

Согласно Львову, услышав о «бойне», грозящей Советам, Керенский воскликнул: «Отлично!», вскочил и потер руки. Он также не возражал против расширения правительства за счет правых и замены «советских социалистов» теми, кого он называл «социалистами сильного правительства». Это убедило Львова, что Керенский поручает ему ведение переговоров с правыми элементами, которых следует привлечь в правительство. Но позже Керенский прямо сказал, что «не давал Львову никаких поручений и никакой власти». Тем не менее Львов поспешил в ставку. Он заверил Корнилова, что Керенский не цепляется за власть, что он не против реорганизации правительства за счет включения в него «всех элементов общества». Львов, в голове которого кружился вихрь идей и планов, рекомендовал одновременно и расширить правительство, и сузить его, создать широкую коалицию и узкую «директорию»,

установить военную диктатуру — конечно, во главе с Корниловым — и снова возвращался к идее объединения власти главнокомандующего с властью главы правительства. Корнилов сказал, что он больше не доверяет ни Керенскому, ни Савинкову, но согласен оставить за последними посты министра юстиции и военного министра. Наконец Львов и Корнилов сошлись на том, что в Петрограде будет объявлено военное положение, как предлагал Савинков; кроме того, правительство по собственному желанию подаст в отставку; текущими делами в Петрограде будет заниматься коллегия заместителей министров, а Керенский и Савинков прибудут в ставку. Там Корнилов получит от них всю полноту гражданской и военной власти и создаст новое правительство с их участием. После соглашения с Савинковым Корнилов считал, что Керенский хочет сделать еще один шаг к выполнению собственной программы Корнилова, и не сомневался, что он ведет переговоры с действительным представителем Керенского. Однако для Керенского Львов был всего лишь нечаянным лазутчиком, которого можно было использовать для раскрытия секретов противника.

Львов возвращается к Керенскому. На этот раз он признается, что «реальной силой», от которой он привез конкретные предложения, является главнокомандующий. Керенский настроен решительно. Львов выкладывает ему все, что знает: Корнилов приглашает Керенского в ставку — единственное место, где может гарантировать ему безопасность (хотя, как признавался Завойко, сторонники Корнилова хотели принести Керенского в жертву «народному гневу» офицеров). Керенский чувствует, что на кону стоит его голова. Он напуган и одновременно глубоко оскорблен тем, что при Корнилове ему хотят поручить незначительную должность министра юстиции. Он превращается в Ната Пинкертон и устраивает ловушку своему обожателю: он делает вид, что согласился, и заставляет Львова все рассказать снова в присутствии спрятавшегося свидетеля. Когда Львов в порыве энтузиазма достает «документ» с записанными предложениями Корнилова, Керенский дает сигнал, и Львова арестовывают. Затем Керенский пытается получить от Корнилова прямое доказательство вины. Он звонит ему по прямому про-

воду и представляется Львовым. Не повторяя утверждений Львова, он требует от Корнилова подтверждения всех его предложений. После этого он снова разыгрывает комедию, уже говоря от своего лица и притворяясь, что хочет идти с Корниловым до последнего. Паук премьер сплетает свою сеть, и большая оса, главнокомандующий, летит прямо в нее.

Но оса едва не удалось разорвать паутину.

В последующие дни настроение в Петрограде и ставке царило совершенно разное. Корнилов понимал, что первый шаг — самый трудный. Приехав в ставку, Савинков и Керенский сожгли бы за собой мосты. Трудности, трения и компромиссы внутри планировавшейся «директории» были неизбежны. Но переход от директории к диктатуре был намного легче, чем переход от коалиционного полусоветского правительства к директории, контролируемой ставкой. После окончательного решения в пользу директории Корнилов конфиденциально сообщил Добринскому: «Я по-прежнему собираюсь стать военным диктатором, но никто не должен знать об этом раньше времени».

В Петрограде все было по-другому. Для Временного правительства доклад Керенского об ультиматуме Корнилова и наступлении 3-го кавалерийского корпуса Крымова на Петроград стал взрывом бомбы. К тому времени от правительства остались рожки да ножки. Кокошкин и его друзья вышли из него, потому что не могли действовать против Корнилова. Чернов ушел в отставку, потому что теперь, когда ветер приподнял край занавеса, скрывавшего от левого крыла правительства длинную историю подозрительных заговоров, сделок и соглашений между Керенским, Корниловым и Савинковым, ему было бы трудно вместе с Керенским бороться против Корнилова.

В величайшей спешке, без соответствующего коллегиального решения, без соблюдения формальностей Корнилову была послана телеграмма, снимающая его с должности главнокомандующего. Ее отправили не от имени правительства и даже не от имени премьера, без титула подписавшего, без номера и обычного адреса «Главковерху, Ставка». Она напо-

минала частную телеграмму, была подписана «Керенский» и адресована «генералу Корнилову, Могилев».

Корнилов отказался сложить с себя полномочия, а начальник штаба генерал Лукомский, которому эти полномочия должны были перейти по уставу, не принял их. Керенский приказал командующему Северным фронтом генералу Клембовскому остановить эшелоны с отрядами генерала Крымова. Ответ гласил, что у генерала нет таких полномочий, поскольку эти части относятся к стратегическому резерву главнокомандующего. Тогда Керенский назначил Клембовского главнокомандующим; Клембовский отказался. Все остальные командующие фронтами телеграфировали, что отставка Корнилова будет роковой для армии и России; он должен оставаться главноверхом независимо от политических осложнений.

Эшелоны с отрядами генерала Крымова приближались к столице. Им навстречу спешно выслали части петроградского гарнизона. Солдаты и офицеры были ошеломлены случившимся; они относились к борьбе между Керенским и Корниловым как к семейной ссоре, которая им безразлична и не стоит того, чтобы проливать из-за нее кровь.

Дублер Савинкова Филоненко, по пути из ставки в Петроград проехавший этот импровизированный «антикорниловский фронт», позже саркастически говорил: «Поведение петроградских частей было ниже всякой критики». Мнение генерала Верховского, высказанное впоследствии, было не лучше: «Во время корниловского мятежа одна кавалерийская дивизия или полк тяжелой артиллерии могли бы разогнать весь Петроградский гарнизон».

После выхода из правительства Керенского Чернов взял с собой офицера генерального штаба Бойера и бывшего волонтера французской армии Каллистова и отправился на передовую. Вернувшись оттуда, он доложил Центральному исполнительному комитету, что против отрядов, наступающих со стороны фронта, были выдвинуты пехотные части без передовых конных разъездов, не имеющие между собой никакой связи. Солдаты жаловались на отсутствие пулеметов и до смешного скудный боезапас. Части расположились на пересеченной местности, где пехота могла легко обороняться против кавалерии с помощью

самых элементарных полевых укреплений; однако по каким-то непонятным причинам у них не было ни лопат, ни колючей проволоки, ни саперов. Согласно полученным приказам, при приближении врага они должны были отступить с пересеченной местности, трудной для действий кавалерии, на равнину перед Петроградом и стать идеальной мишенью для артиллерии Корнилова, которая могла бы накрыть их огнем с холмов и лесистых возвышенностей. Это дало бы корниловской кавалерии полную возможность гнать беспорядочно отступающие правительственные части перед собой и ворваться в город на их плечах. Все это напоминало план не обороны Петрограда, а его как можно более безболезненной сдачи мятежному генералу. Совет направил специальную делегацию в военное министерство, где Савинков с ледяной вежливостью ответил Войтинскому, Чернову и другим: «Не извольте беспокоиться, до вооруженного столкновения не дойдет, все закончится мирно».

Остатки правительства пришли в ужас. Савинков сообщает:

«Терещенко подал в отставку. Некрасов предложил передать всю власть Совету рабочих и солдатских депутатов. Некоторые министры предпочли не ночевать дома. Та же самая паника владела и Советом [? — *Примеч. авт.*]. Только так я могу объяснить поездку Чернова в Царское Село с «инспекцией» обороны, требование Войтинского, чтобы я разоружил юнкеров, и настояния Церетели и Гоца, чтобы делегаты Всероссийского центрального исполнительного комитета присутствовали на совещании штаба военного округа — видимо, для того, чтобы следить за моими инструкциями».

Однако все это говорит не о панике, а об энергичных мерах предосторожности, которые принимал Совет, не доверявший военным властям. Не только Корнилов, но и лидеры Совета не знали, кому Савинков вонзит нож в спину — Керенскому и Корнилову. Савинков сообщает, что даже его коллега, морской министр Лебедев, сообщил Керенскому о «беседе преступного характера», состоявшейся в эти дни по прямому проводу между Савинковым в Петрограде и Филоненко в ставке. Тем не менее Савинков оставался военным губернатором столицы вплоть до 31 августа, то есть в самые критичес-

кие дни наступления Крымова. Правда, стремясь обелить себя, именно Савинков первым публично заявил, что с Корниловым «следует обращаться как с изменником».

Напротив, думские лидеры «регрессивного блока» набрались смелости. В Петроград прибыл генерал Алексеев. Керенский предложил ему пост главнокомандующего. Алексеев отказался и в свою очередь предложил ему свои услуги для примирения с Корниловым. То же требование примирения между Керенским и Корниловым выдвинули главные лидеры кадетов. Аналогичный совет дал британский посол Бьюкенен. Именно это и добивались Савинков с Филоненко.

Но о примирении не могло быть и речи; обе стороны слишком далеко зашли. Как и Савинков, Керенский публично назвал Корнилова «изменившим своей стране». Корнилов не остался в долгу; он сообщил на всю Россию, что «Временное правительство действует в полном соответствии с планом германского генерального штаба»; он «не может предать Россию немцам», потому «противостоит Временному правительству и его безответственным советчикам, которые продают свое отечество»; он «предпочитает с честью погибнуть на поле боя, чем видеть позор своей родной земли».

Савинков и правый кадет Маклаков попытались повлиять на Корнилова, позвонив ему по прямому проводу. Грубый и бесцеремонный Корнилов заподозрил ловушку. «Я вижу в этом давление Совета, в котором есть люди, запятнавшие себя изменой. В этот грозный для отечества час я не покину свой пост».

Керенский тоже испытывал странный приступ смелости от отчаяния. Он отверг предложения Милюкова и Алексеева отправиться в ставку в качестве посредников. Кроме того, он отклонил аналогичное предложение делегации Совета Союза казачьих частей, заподозрив, что казаки просто хотят присоединиться к мятежному генералу.

28 августа начальник дипломатического департамента ставки князь Трубецкой передал Терещенко свои наблюдения, типичные для настроений, царивших в буржуазных кругах:

«Трезвый анализ ситуации показывает, что все высшее командование, подавляющее большинство других офицеров и

лучшие боевые части последуют за Корниловым. В тылу его поддержат все казачьи части, большинство военных училищ и опять-таки самые боеспособные части. К этой физической силе следует присовокупить превосходство военной организации над слабыми гражданскими органами, симпатии всех несоциалистических слоев населения, постоянно растущую неудовлетворенность существующими условиями среди низших классов и безразличие основной массы людей, равнодушных ко всему и готовых подчиниться нагайке... Люди, находящиеся в данный момент у власти, должны решить, готовы ли они сделать шаг навстречу, согласиться на сотрудничество и смириться с неизбежными изменениями; тогда все пройдет безболезненно; но в случае сопротивления им придется принять на себя ответственность за новые неисчислимы бедствия».

Кадетская партия под руководством Милюкова подготовила план добровольной отставки Керенского и его компаньонов в пользу генерала Алексеева. Последний должен был сформировать новое правительство и мирно завершить корниловский «инцидент». Они умоляли Керенского и его нескольких уцелевших сторонников уступить место единственному человеку, который в состоянии спасти ситуацию: предотвратить гражданскую войну, внутренний конфликт в армии, катастрофу на фронте и уничтожение России. В конце концов и последние сторонники Керенского, Терещенко и Некрасов, тоже стали уговаривать его уйти в отставку и передать власть генералу Алексееву. Вокруг Керенского образовывался ужасающий вакуум. Одиноким премьер бродил по Зимнему дворцу, недавно столь шумному, а теперь пустынному, и размышлял над тем, как короток путь от Капитолия до Тарпейского утеса [В Древнем Риме на Капитолийском холме располагались органы государственной власти, а с Тарпейского утеса сбрасывали преступников, приговоренных к смертной казни. — *Примеч. пер.*].

В самый критический момент бесконечные, изматывающие нервы переговоры с министрами и кандидатами на министерские посты, когда в чемоданчике Керенского лежали заявления об отставке всех министров и он обладал «всею полнотою власти», не зная, что с ней делать, и ничем не напоминая счастли-

вого диктатора, к нему пришла официальная делегация Совета. Она предложила Керенскому помощь с одним-единственным условием: мятеж должен быть подавлен беспощадно. Совет не тратил время на слова. Он действовал — действовал, как в лучшие дни революции.

Чтобы разбить воинские части, собранные Савинковым и его помощником Пораделовым, было бы достаточно одной Дикой дивизии Крымова. Питерские вояки тут же разбежались бы, потому что считали Керенского заодно с Корниловым и не собирались страдать из-за их ссоры. Но последнее слово в борьбе Корнилова с революцией еще не было сказано. Все предместья Петрограда оцетинились баррикадами и были готовы встретить врага. Кронштадт прислал столько людей, что Савинков пытался отослать 2000 матросов обратно, сказав, что «в них нет необходимости». Рабочие брались за оружие, создавали отряды Красной гвардии и готовились превратить в крепость каждую фабрику, каждый дом. В первые же дни в рабочую милицию вступило 25 000 человек. В части Крымова были направлены десятки агитаторов.

У Совета не было времени легализовать свою деятельность. Он функционировал как истинная революционная власть. Не дожидаясь, когда начнут действовать многочисленные корниловские тайные общества, он начал массовые аресты. Штаб заговорщиков в гостинице «Астория» был уничтожен. Председателя Военной лиги Федорова арестовали. Общее число арестованных превысило 7000. Во многих домах провели обыски и нашли списки заговорщиков. Неопытных конспираторов охватила паника. Их организации страдали от недостатка фондов, потому что деньги были растрачены. Полковник Сидорин, посланный Корниловым для руководства заговорщиками, «испугавшись расстрела, бежал в Финляндию и забрал с собой остатки казенных денег — около 150 рублей», — писал Деникин.

Организованное Советом Железнодорожное бюро работало с остервенением, мешая продвижению эшелонов с частями Крымова так же эффективно, как в марте, когда оно остановило эшелоны генерала Иванова. Некоторые части отправили совсем в другом направлении, но, когда они это поняли, было уже слишком поздно. Станционные пути были забиты вагонами

ми. Котлы паровозов выходили из строя. В трех местах были повреждены рельсы, и груженные вагоны опрокинулись. Батальон ремонта путей бесследно исчез. Крымов отдал приказ продвигаться дальше пешком, но из этого ничего не вышло, так как не удалось решить вопрос с питанием. Солдат буквально забрасывали прокламациями Временного правительства и Советов, а корниловские контрдекларации до них не доходили. Местные Советы и гарнизоны — например, в Луге — угрожали расстрелять эшелоны из пушек. Телеграф и телефон приходилось захватывать силой. Отдельные части теряли связь друг с другом и со ставкой. Солдаты Корнилова начали отказываться отправляться туда, где была опасность столкнуться с местными гарнизонами. Они выбирали комитеты, которые требовали объяснений от офицеров и лишали последних свободы действий.

К Чернову, тогда находившемуся в Гатчине, и военруку местного Совета Винценту Соколову ночью пришла делегация от нескольких присланных с фронта частей, включая 3-й донской казачий артиллерийский батальон. Узнав, что никакого большевистского мятежа в Петрограде не было и что их везут туда не для того, чтобы защищать Временное правительство, артиллеристы сказали, что хотят подготовить всех своих товарищей к принятию делегации Совета, и пообещали в случае попытки какой-нибудь воинской части арестовать делегатов открыть по ней огонь. На следующий день перед позицией частей Петроградского гарнизона конная разведка Дикой дивизии столкнулась с Черновым, осматривавшим позиции с группой офицеров. Вместо того чтобы взять их в плен, разведчики выслушали Чернова, объяснившего им общую ситуацию, и ускакали обратно.

Дикую дивизию должна была встретить большая мусульманская делегация, организованная Советом. Огромное количество прокламаций от мусульманских организаций и Совета было напечатано на основных языках народов Кавказа. Автомобиль министра земледелия тут же доставил их в Царскую Славянку, где произошел контакт между корниловскими разведчиками и частями Петроградского гарнизона. Место Чернова заняли два представителя казачьей военной секции Со-

вета. Они смело подъехали к передовой линии корниловских частей, где всадники охотно разобрали прокламации. Бессильные офицеры выходили из себя, но вмешаться не посмели.

Ничего этого Петроград не знал. Он жил либо в страхе, либо в надежде военного штурма. Генерал Алексеев «думал, что часы правительства сочтены. Нужно было решать, что станет делать Корнилов после своей победы»¹.

Но те, кто заранее считал, что революция потерпела поражение, жестоко ошиблись. Советы и комитеты действовали активно. 29 августа на Юго-восточном фронте Деникин и его начальник штаба были арестованы армейским комитетом. На Северном фронте Клембовский передал свой пост революционному генералу Бонч-Бруевичу. Под фальшивым именем и с письмом от Корнилова Завойко отправился «поднимать Дон», но по пути был арестован гомельским Советом. Оттуда Завойко отправил Савинкову дерзкую телеграмму, словно тот состоял с ним в одном заговоре: «Я считаю, что продолжение моей поездки необходимо для всеобщего блага. Жду возможности сделать это». Командира кавалерийского корпуса, князя Долгорукого, отбывшего из ставки в Финляндию (что было предусмотрено общим планом), арестовали по дороге. В самом Могилеве тоже все пошло не так. Солдаты, работавшие в военной типографии, которая печатала прокламации Корнилова под присмотром туркестанских частей, воспользовались неграмотностью своей охраны и вместо этого напечатали прокламации Керенского, в которых Корнилов был назван изменником. Батальон георгиевских кавалеров заявил, что поддерживает Советы, и устраивал постоянные стычки с туркестанцами. В собственном полку Корнилова семь офицеров пришлось арестовать за неподчинение приказу. 28 августа во время осмотра гарнизона одни части приветствовали Корнилова громким «ура!», а другие отвечали ему гробовым молчанием. Под угрозой забастовки рабочие железнодорожных мастерских добились освобождения станционных телеграфистов, арестованных за то, что приняли телеграмму Керенского. В ставку перестали привозить оружие, продукты питания и фураж. Революционный контроль над почтой и телеграфом практически изолировал ее от остальной России.

Командующий Кавказским фронтом генерал Пржевальский уже передал по телеграфу, что осудит того, кто первым начнет гражданскую войну. Командующий Румынским фронтом генерал Щербачев, генералы Парский, Данилов и другие заявили, что они поддерживают правительство.

Сомнений больше не оставалось: звезда Корнилова закатилась. Советы еще раз спасли Керенского, который ответил В.Н. Львову, предсказавшему бойню Советов: «Вот и отлично. Нам останется только сказать, что мы были бессильны предотвратить ее».

Но если Советы рассчитывали, что теперь Керенский перейдет на их сторону и порвет с группой, которая была готова отдать его в руки Корнилова или сменить на генерала Алексеева, то они тоже сильно ошиблись. По его мнению, теперь Советы стали слишком сильными. Соединившись с ними, он рисковал стать их заложником. Напротив, «регрессивный блок» был абсолютно скомпрометирован своим участием в заговоре и боялся последствий. Тем выгоднее было выступить в роли их всепрощающего защитника. Если бы Советы потерпели поражение, возможно, Керенский попытался бы сыграть ту же роль и по отношению к ним. Естественно, сторонники Корнилова этого не допустили бы. Могла ли советская демократия поступить по-другому?

Ждать первого испытания пришлось недолго. Брожение в отрядах Крымова достигло пика. Солдатское собрание обвинило своих офицеров в обмане, потребовало провести расследование и наказать виновников этой авантюры. Офицеры сослались на миссии Савинкова и Львова и заявили, что они вели войска на Петроград с разрешения Керенского. Тогда солдаты решили провести расследование сами и послали в Совет многочисленную делегацию. Их направили к Чхеидзе, Церетели и Чернову. Керенский тоже принял делегацию, но быстро прервал первого, кто заявил, что солдаты ждут увольнения и наказания предавших их командиров.

29 августа генерал Алексеев сказал капитану кавалерии Шапрону: «Только что здесь был Терещенко. Меня уговаривают занять пост начальника штаба с Керенским в роли главнокомандующего. Если я откажусь, назначат Черемисова. Вы

понимаете, что это значит? На следующий день они казнят сторонников Корнилова. Отведенная мне роль отвратительна, но что я могу сделать?»

30 августа Корнилов, все еще не знавший, что случилось с его отрядами, но чувствовавший неладное, стал на всякий случай готовить себе путь к отступлению. Посредником между ним и Керенским стал генерал Лукомский. Обе стороны прекращают выпускать декларации против друг друга; Деникина и других выпускают на свободу; генерал Алексеев приезжает в ставку как посредник. В доказательство своего бескорыстия Корнилов готов передать верховное командование Алексееву при условии, что тот создаст «сильное правительство, независимое от безответственных организаций». Корнилов все еще думал, что он может ставить условия.

Алексеев жадно ухватился за шанс достичь компромисса. Он хотел как можно скорее прибыть в ставку и безболезненно принять верховное командование. Он «горячо убеждал Корнилова сохранять власть» до своего прибытия и отправил по радио приказ правительства «всем, всем, всем» «выполнять оперативные приказы генерала Корнилова».

Восстановив присутствие духа, Корнилов тут же попытался воспользоваться этим полуоправданием своей измены Временному правительству. Он отправил Крымову письмо, иронически сообщая последнему о случившемся и спрашивая, «есть ли еще возможность оказания сильного давления средствами, находящимися в его распоряжении». В конце он просил Крымова держать ставку в полном курсе происходящего, чтобы та могла дать ему соответствующие инструкции. «Если обстоятельства позволяют, действуйте независимо в духе инструкций, которые я вам дал».

Иными словами, марш на Петроград и Временное правительство нужно было продолжать. Корнилов не подозревал, что этот приказ уже некому было передать и некому выполнять. Но 31 августа его последние иллюзии развеялись.

В тот день генерал Алексеев снова разговаривал с Лукомским по прямому проводу. Крымов был в Петрограде и ждал аудиенции Керенского. У мятежников стало еще одной надеждой меньше. Лукомский спросил, посланы ли части для штур-

ма ставки. Да, но сам Алексеев тут ни при чем; сначала он должен выяснить, в какой роли Корнилов примет его в ставке — как посредника или как преемника. Согласен ли Корнилов на прибытие в ставку чрезвычайной комиссии по расследованию во главе с Шабловским? Лукомский ответил, что Корнилов не собирается превращать ставку в крепость. Он примет Алексева как официального командующего, но тот должен прекратить военные действия против ставки. Вопрос о комиссии остался без ответа: он был слишком болезненным.

Между тем к Могилеву уже двигались отряды. С разрешения комиссара Западного фронта Жданова полковник Коротков, эсер и член временного революционного комитета Западного фронта, 29 и 30 августа сформировал в Орше отряд из 3000 штыков и 800 сабель, с 3 полевыми батареями и 300 пулеметами. В Витебске был создан отряд в 1500 человек с 16 пушками. Корнилов мог противопоставить им 2500 штыков своего полка (правда, несколько сотен его солдат уже отказалось защищать ставку), 5 батальонов поляков и 500 сабель (главным образом туркестанских, потому что русская часть кавалерии уже объявила о своей лояльности по отношению к Временному правительству). Но даже этим ничтожными силами грозил удар в спину со стороны враждебно настроенного батальона георгиевских кавалеров, не говоря о рабочих, которые все до одного поддерживали эсеровско-меньшевистский местный Совет. Борьба была бы неравной. В Москве генерал Верховский уже подготовил к отправке на Могилев 15 воинских эшелонов. «Сегодня, — сообщил он 1 сентября Алексееву, — я выезжаю в ставку с сильным отрядом, чтобы покончить с этой насмешкой над здравым смыслом. Корнилов, Лукомский, Плющик-Плющевский и Сахаров должны быть немедленно арестованы и смещены со своих постов. Я звонил вам по телефону, надеюсь услышать, что это уже сделано». Алексеев прервал его: «Помощь вашего отряда не требуется. Приказ на отправку эшелонов может отдать только главнокомандующий». После этого он пригрозил Керенскому подать в отставку, если тот не остановит Верховского.

То же самое случилось и с Коротковым. «Я встретился с генералом Алексеевым; кажется, он был недоволен моими

военными приготовлениями. Он думал, что решительные шаги ни к чему, и заявил, что если бы считал нужным применить военную силу, то не поехал бы в ставку. После такой беседы я сам почувствовал себя мятежником. Она произвела на меня угнетающее впечатление».

Отряд Короткова был остановлен. Верховский также получил приказ «распустить свои части». Но разгрузить эшелоны оказалось труднее, чем нагрузить их. Солдаты Верховского и Короткова горели желанием штурмовать мятежную ставку. Передовая роптала. Комиссар 2-й армии докладывал: «Части сильно возбуждены телеграммой Керенского о необходимости выполнять приказы Корнилова, пока тот не передаст свои полномочия. Они считают этот приказ фальшивкой».

Но приказ был подлинным: единственной фальшивкой являлась репутация, которую солдаты создали Керенскому. Она рассеивалась как мираж.

Алексеев прибыл в ставку и нанес официальные визиты Корнилову и Лукомскому. С первым он спорил в Москве о том, кто должен возглавить движение. Теперь один должен был сменить другого. Выслушав программу Алексеева «корниловщина без Корнилова», Лукомский ответил, что все эти обещания были даны правительством, потому что только Алексеев мог ликвидировать ставку без кровопролития; после этого Керенский уберет его самого. Военное министерство из Петрограда сообщило Алексееву: «Правительство обвиняют в бездействии. Советы выходят из себя; атмосферу можно очистить, только проявив власть и арестовав Корнилова и других». С тяжелым сердцем бедный Алексеев сделал вид, что проявил власть: вечером 1 сентября Корнилов, Лукомский, Романовский и Плющик-Плющевский были отправлены под домашний арест. Деникин признает, что это «было необходимой предосторожностью от отрядов правительства и революционной демократии», враждебно настроенных к мятежникам.

Алексеев обратился к Могилевскому гарнизону. Он публично объявил Корнилова невиновным в приписываемых тому преступлениях и обвинил часть, верные правительству, в том, что им заплатили за это «еврейскими деньгами». «Похоже, он считает мятежниками нас, а не Корнилова. Этот человек не

лучше Корнилова; ворон ворону глаз не выклюет», — говорили солдаты, стискивая кулаки.

Но долго на своем посту Алексеев не пробыл. Он жаловался (возможно, не без оснований), что Керенский перехватывает его корреспонденцию, что Керенский дал ему слово простить Корнилова, но так и не поставил этот вопрос на заседании правительства и т. д. Корнилов сказал, что, если Алексеев примет назначение, это будет означать, что он морально поддерживает позицию Керенского. Кончилось тем, что Алексеев подал в отставку.

2 сентября в Могилев прибыла чрезвычайная следственная комиссия. Внешне она действовала по всем правилам. Продин, Роженко, Аладьин, Сахаров, заместитель министра связи Кисляков и весь Главный комитет Союза офицеров были арестованы. Сначала их отправили в гостиницу «Метрополь», а затем перевели в военную тюрьму на станции Быхово. «После первого допроса следственной комиссии стало ясно, что все ее члены настроены в нашу пользу... и что следственная комиссия будет затягивать свою работу как можно дольше». Корнилова вообще допрашивать не стали, но позволили написать заявление об отставке, которое немедленно перепечатала газета Бурцева «Общее дело». Эта газета тут же начала кампанию за прощение Корнилова и быстро собрала тысячи подписей. Внутренняя охрана тюрьмы была доверена туркестанским частям, которые любовно называли Корнилова «наш бай». «Все знали, что, если генерал Корнилов захочет, он не только сможет выйти из тюрьмы когда угодно, но и *арестовать Керенского, если последний прибудет в ставку*»².

В быховской тюрьме «была быстро установлена связь с Петроградом, Москвой и Могилевом; мы получали сведения обо всем происходившем и связывались с людьми, которые были нам нужны. Штаб главнокомандующего также сообщал нам обо всех вопросах, которые нас интересовали»³.

Генерал Лукомский писал: «При Керенском если бы мы захотели, то могли бы бежать из Быхова без всякого труда». Но зачем им было пытаться бежать? Львов, арестованный лично Керенским, полковник Лебедев и многие другие были освобождены Шабловским еще раньше; 18 октября был освобожден

казачий капитан Родионов, 20-го — Завойко, 22-го — Новосильцев, 24-го — еще пять членов Главного комитета Союза офицеров, и только пять главных обвиняемых — Корнилов, Лукомский, Романовский, Марков и Деникин — вышли потом на свободу без формальностей, вместе со своей туркестанской охраной скрывшись от отряда большевиков, который двинулся на Быхово после Октябрьской революции.

Трудно сказать, что сильнее возбуждало фронт: сама по себе авантюра Корнилова и Крымова, обнаружение тесной связи корниловского мятежа с «пониманием» Керенского или комедия с арестом мятежников и их заключением под стражу.

На московском Государственном совещании некоторые хвастались тем, что за нарушение воинской дисциплины без колебаний приказывали *расстреливать целые полки*. Они действовали беспощадно, восстанавливали смертную казнь на фронте и ратовали за ее применение в тылу. Солдаты требовали, чтобы эти меры применили к тому, кто их защищал. Когда стало ясно, что дисциплина и смертная казнь существуют только для нижних чинов, а не для генералов, фронт почернел от гнева, как море перед бурей. Большевикам оставалось только дожидаться попутного ветра и поднять паруса.

Так закончился корниловский мятеж. Он нанес новый и, как казалось, последний удар по единству офицеров и рядовых. «В результате мятежа возросло недоверие к офицерам, все предыдущие приказы Корнилова начали подвергать сомнению». На банкете 44-го Сибирского полка капитан Зуев предложил тост в честь Корнилова; после этого солдаты арестовали двенадцать офицеров. В соседних 60-м и 61-м Сибирских полках семнадцать человек были ранены гранатой, брошенной в офицерское собрание, а один из командиров полков был смещен солдатами «за корниловщину». «Обсуждение военных приказов стало хроническим и всеобщим»; «общее состояние армии ухудшилось настолько, что его можно было описать только как приближение полной катастрофы». Ставка то и дело сообщает о случаях, подобных аресту пятидесяти офицеров 126-й дивизии Особой армии. Командующий 12-й армией описывал своих подчиненных следующим образом: «Это огромная усталая, плохо обмундированная, голодная, озлобленная масса лю-

дей, объединенная стремлением к миру и отсутствием всяких иллюзий». Военно-политический сектор ставки добавлял от себя: «Это определение можно без всякого преувеличения использовать для характеристики всего фронта»⁴.

Корниловский мятеж был ликвидирован. Что дальше?

Керенский снова удивил страну непонятным назначением. Человек штатский по образованию и характеру, он назначил главнокомандующим самого себя. Это было образцом дурного тона. Он нечаянно напомнил народу старый режим, когда цари *номинально* возглавляли армию независимо от того, обладали ли они нужными для этого познаниями и складом ума. Еще одним проявлением дурного тона стал переезд Керенского в Зимний дворец. Чем быстрее таяла его огромная и беспримерная популярность, тем быстрее он терял самоконтроль и искал новые внешние атрибуты, которые могли бы подчеркнуть его необыкновенно высокое положение. Это вызывало пожатие плечами, сарказм и рассеивало последние иллюзии.

Оказавшись сразу и главнокомандующим, и главой правительства, Керенский был вынужден уступить пост военного министра кому-то другому. Все говорило в пользу генерала Верховского, который хорошо зарекомендовал себя энергичными мерами против правых заговорщиков и левых анархистов. Он пользовался огромной популярностью у демократических партий Советов и даже у умеренного крыла большевиков. Его назначение на пост военного министра означало окончательный разрыв с корниловщиной и борьбой старых генералов с Советами и правительством за контроль над армией, свежую струю в военной политике, достижение реальной однородности армии путем ее слияния с революционным и демократическим движением. Сенсационное назначение на пост морского министра вместо послушного дилетанта Лебедева адмирала Вердеревского, незадолго до того арестованного по приказу Керенского за «соучастие» в конфликте моряков с правительством, также немного смягчало отношение советской демократии к некоторым министрам кабинета Керенского.

Судя по дневнику генерала Верховского, опубликованному под названием «Россия на Голгофе», он понимал психологию масс лучше остальных генералов. Верховский первым пошел на риск широкомасштабной чистки высшего командования. «Я думаю, — писал он 30 сентября, — что побудить наши массы не препятствовать организации обороны может только одно: отказ Германии заключить справедливый и демократический мир, предложенный нами и союзниками... Только тогда наши люди поверят в необходимость для русского народа продолжить войну и превратить ее в революционную войну». 14 октября он отмечал: «Тот, кто сейчас взял бы в свои руки вопрос быстреего заключения мира, получил бы контроль над правительством». Понимая важность проблемы, он решительно обратился к Временному правительству. Нужно «заставить союзников согласиться на мирные переговоры, так как иначе это причинит им огромный вред». Но это никоим образом не означало, что Верховский, как утверждали впоследствии, подталкивал правительство к *сепаратному миру*. Напротив, 27 сентября он писал: «Мы должны сделать все, но не капитулировать; за нами огромная территория. В случае необходимости мы можем отступить за Волгу, но не выходить из войны и не заключать сепаратный мир». На заседании правительства он заявил, что нужно немедленно сократить колоссально раздутую армию; ее невозможно прокормить; со дня на день она сама разбежится от голода; правительство должно отказаться от своей наступательной тактики; «мы должны быть готовы к тому, что враг оттеснит нас на восток и займет многие важные территории».

У людей, которые могли оставаться патриотами только с шорами на глазах, требования революционного генерала вызвали гнев. Но даже генерал Алексеев отказался представлять Россию на межсоюзнической конференции в Париже, ибо чувствовал, что «игра безнадежно проиграна и что морочить голову союзникам больше нельзя».

Характерно, что после неудачи Корнилова правое крыло общества моментально потеряло вкус к войне и заговорило о мире.

В.Д. Набоков пишет:

«Я вспоминаю, что во время многих поездок с Милюковым на автомобиле выражал мнение — тогда Милюков еще был министром иностранных дел, — что одной из главных причин революции была изнурительная война. Милюков решительно возражал. «Кто знает, может быть, именно благодаря войне все еще как-то висит на волоске, а без войны оно бы уже давно рухнуло». Конечно, от одного понимания того, что война разрушила Россию, легче не становилось. Но если бы все ясно понимали, что война Россией проиграна и все попытки продлить ее никуда не ведут, то в этом важнейшем вопросе победила бы другая ориентация. Кто знает, может быть, тогда мы сумели бы предотвратить катастрофу».

Эта фраза помогает понять чувства всей российской либеральной буржуазии. Страх перед социальными последствиями революции заставлял ее цепляться за войну как за якорь спасения. Война требовала народного единства, а потому позволяла отложить все решительные экономические реформы. Поэтому ура войне! В то время либеральная буржуазия претендовала на монополию в области патриотизма. Но патриотические фразы были бессильны против «красной угрозы». Напротив, война, один день которой стоил 88 000 000 рублей (не считая 8 000 000 рублей на общие расходы) и держал под ружьем 10 000 000 солдат, хотя министерство заготовок заявляло, что может прокормить максимум 7 000 000, безмерно напрягала все общественные связи. Они грозили лопнуть, что стало бы всеобщей катастрофой. Чем глубже понимание этого проникало в сознание правого крыла общества, тем сильнее это крыло сомневалось в правильности своей первоначальной тактики. Но резко сменить курс было трудно. Поэтому либеральная и националистическая пресса по инерции продолжала хвастаться и клеветать на каждого, кто считал полезным устроить международную демонстрацию, предложив демократический мир. Однако за кулисами вчерашние буржуазные приверженцы Антанты уже готовили почву для перехода на *германофильскую ориентацию*.

Левый центр советской демократии (в партии эсеров к нему относилась группа Чернова) поддерживал идею генерала Верховского о том, что война еще не проиграна, что иногда

«кутузовская» политика отступления более рациональна, чем «наполеоновская». Россия больше не могла содержать армию численностью свыше десяти миллионов и по требованиям союзников компенсировать германское превосходство в военной технике горами трупов. Но она могла ослабить силы врага с помощью своих огромных территорий. Чем дальше продвинулся бы враг, тем большая армия понадобилась бы ему, чтобы удержать завоеванное. В стране, охваченной революцией, на оккупационную армию начинает действовать неизбежный закон разложения. С другой стороны, психология русского солдата, воюющего на пограничных территориях Латвии, Литвы, Польши, Галиции, коренным образом отличается от психологии солдата, сражающегося с врагом на исконно русских землях. Оккупационные силы волей-неволей попытались бы задушить завоевания революции; национальная революция и ее зарубежный душитель впервые сошлись бы лицом к лицу, не мысленно, а фактически. Только в таких условиях был возможен спонтанный взрыв народного энтузиазма и гнева; именно так произошло в революционной Франции, когда войска герцога Брунсвика вторглись в страну, чтобы спасти короля и аристократов от революции и «установить порядок».

Эти круги чувствовали, что «в любом случае исход войны будет решен не на Востоке, а на Западе».

«Чем дальше армии Гогенцоллернов вторгнутся в глубь России, тем более беспорядочным и паническим будет их отступление, когда рухнет Западный фронт. Они не только побегут назад; они арестуют своих командиров; вместо знамени Империи они поднимут красный флаг революции; они будут браться с бойцами революционных русских армий, следующих за ними по пятам. Эти армии смогут дойти до Берлина, но не как завоеватели, а как союзники германской революции, как помощники в деле заключения почетного для Германии мира, на который старая Германия рассчитывать не могла. Это будет означать новую эру для Германии и для всего мира», — писал Верховский.

Конечно, такие исторические перспективы могли только напугать русскую буржуазию. Сама идея «впустить» германские армии в сердце России казалась бардам либерального на-

ционализма кощунственной. Туманная перспектива *отечественной и революционной войны*, которая заставила бы вышшие и привилегированные классы сначала спрятаться под крыло оккупационных армий, а потом стать свидетелями того, как во вражеском лагере произойдет взрыв социального и политического радикализма, была не по нутру тем, кто представлял в Думе «оппозицию его величества».

Генерал Верховский видел две возможности: либо немедленные решительные социальные реформы, которые умеренные социалисты тщетно пытались протолкнуть сквозь «игольное ушко» коалиционного правительства (что означало бы создание левого правительства, радикального, популярного в массах благодаря энергичной деятельности, выбивающей почву из-под ног большевизма); либо попытку прийти к соглашению с большевиками, достижение компромисса с ними ценой щедрых уступок, если такой ценой можно будет предотвратить дальнейший развал армии. Если ни одна из мер не поможет, все будет потеряно; настанут полная разруха, большевизм и гражданская война.

8 сентября генерал Верховский изложил свою программу Всероссийскому центральному исполнительному комитету Советов. Он сослался на свою деятельность в Московском военном округе, где эта программа прошла предварительную проверку в миниатюре. «За это время, — заявил он, — я ни разу не вступил в конфликт с большевиками, которые в Москве оказывали мне всю необходимую поддержку даже в тех случаях, когда речь шла о подавлении мятежей». После этого сознательно сделанного заявления начались переговоры с большевиками. Но петроградские большевики, находившиеся под влиянием Ленина, были не такими сговорчивыми, как московские, относившиеся к правому крылу их партии. Достичь соглашения с большевиками Верховскому не удалось. Их программа предусматривала выборность армейского командования снизу доверху. Минимальными требованиями большевиков были следующие: 1) право рядовых утверждать всех своих командиров; 2) право оспаривать назначение неудобных командиров; 3) право делегатов, избранных рядовыми, принимать участие в разработке планов военных операций. Верховский тщетно пытался

доказать, что, если бы завтра большевики пришли к власти, им пришлось бы немедленно отменить все эти меры, как разрушающие единство армии и ее движущую силу. История подтвердила его предсказания. Но переубедить большевиков не удалось. Возможно, они были искренни.

Одна возможность — соглашение с большевиками — исчезла.

Оставалась вторая: создание правительства, популярного в массах, не боящегося провести революционные реформы в промышленности и сельском хозяйстве сверху, чтобы предупредить анархическую революцию снизу, способного порвать с высшими классами и заставить их подчиниться «диктатуре демократии». Верховский обещал быстро выполнить эту программу, если Временное правительство даст ему необходимые полномочия.

В сущности, эта программа не была новой; она являлась странным полудиктаторским способом выполнения той самой программы, которую в демократической форме могло и должно было реализовать правительство Церетели—Чернова. Эту программу диктовало само развитие событий, но она была отвергнута из-за нерешительности умеренных партий Совета.

Большинство правительства ответило Верховскому решительным *non possunt* [вето, букв. «не пройдет» (*лат.*). — *Примеч. пер.*]. Он с грустью отмечает в дневнике, что Керенский и его группа «в данный момент не думают о требованиях ситуации... Массы сворачивают налево, а интеллигенция направо. Керенский стоит на месте, и под ним образуется пропасть».

Керенскому казалось, что в России «повторяется история Французской революции». К несчастью, у него сложилось ложное представление об этой революции.

Кропоткин давно заметил, что истинная история четырнадцати революционных месяцев — с начала июня 1793 по конец июля 1794 г. — еще не написана; люди изучали внешнюю сторону событий, царство террора, в то время как их глубинная сущность заключалась не в терроре, а в массовом переделе земельной собственности, аграрной революции. Отмена феодальных привилегий и льгот *безо всякой компенса-*

ции «и была завершением революции». Именно она создала новый революционный патриотизм, которым горел народ⁵.

В России того же можно было достичь аграрными законопроектами, предложенными Черновым и Главным земельным комитетом. Однако им сопротивлялись сильнее всего. Они были теми самыми мерами, которых боялась буржуазия. Инертная масса средних классов быстро устала от революции.

То же самое можно сказать о национальном вопросе. Хотя не приходится сомневаться, что благодаря группировке по национальностям боевой дух военных частей поднялся, Керенский согласился на такой принцип формирования армии с крайней неохотой. Почему? Потому что военные власти боялись национального сепаратизма как нового источника уничтожения единства армии. В самом деле, «украинизация», «эстонизация» и т. д. военных частей — это палка о двух концах: она может либо усилить армию, либо развалить ее; все зависит от состояния национального вопроса в тылу. Царская Россия была «тюрьмой народов»; теперь стены этой тюрьмы рухнули. Имелись две возможности. Либо демократическая Россия продолжила бы проведение имперской политики централизации и насильственной ассимиляции. Если так, то борьба против национальных меньшинств не кончилась бы никогда; в такой обстановке позволять «национализацию» армейских частей было бы самоубийством. Либо революция раз и навсегда отменила бы деление национальностей на правящие и подчиняющиеся и без задержек и проволочек объявила новую Россию *добровольным союзом* всех национальностей под одной крышей. Тогда, и только тогда можно было бы дерзко решиться на тщательную «национализацию» организации армии. Структура армии должна соответствовать структуре страны. Любая дисгармония чревата конфликтами и разложением.

Таким образом, проблема создания революционной армии для революционной страны была тесно связана с правильностью ориентации внешней и внутренней политики. Именно об этот камень и споткнулся генерал Верховский. Революционная политика не была определена, а без нее чисто военные меры не могли дать результата; назначения новых командиров или сокращения раздутой армии для этого было недоста-

точно. Временное правительство, в котором больше не было ни Церетели с Черновым, ни даже Скобелева с Авксентьевым, не горело желанием творчески решать социальные или национальные вопросы. Его социалистическое крыло теперь состояло либо из «бывших социалистов», либо из бесцветных личностей, послушных «спутников», вращавшихся вокруг главной «звезды» — Керенского. Идея Керенского была проста: продолжать политику предыдущего цензового правительства (возможно, в слегка урезанном виде), но осуществлять ее руками «левых» и с помощью демократической фразеологии делать ее приемлемой для масс.

В трех лекциях, прочитанных в Париже в 1920 г., Керенский больше не скрывал своего величайшего удовлетворения работой первого Временного правительства. Его члены «заложили основы новой России»; они понимали, что «должны представлять народ, нацию, а не класс» и что «государство может быть создано только на базе широких социальных реформ». Керенский сумел обнаружить все эти качества в правительстве, пустота и беспомощность которого привели в уныние всю Россию.

«Тот первый период был временем напряженной творческой работы. Вся позднейшая работа состояла в ее сужении и ограничении... Обычно говорят, что первый период революции был буржуазным [до мая. — *Примеч. авт.*], после которого настали коалиционный и социалистический. Это ошибка. Сущность заключается не в данных изменениях, а в готовности левых к работе; коалиционное правительство не расширяло программу; напротив, оно постоянно сужало ее границы»⁶.

Вместо того чтобы подставить паруса ветру революции, последнее Временное правительство наконец выбрало тактику *торможения*. Вся страна левела, а правительство правело. Приближался момент, когда корабль перестанет слушаться руля и превратится в игрушку стихии.

Временами Керенский понимал это. На предпарламенте у него вырвалась знаменательная фраза: «Я знаю, что обречен». Но красивая поза ничего не значила для страны, которой он пытался управлять методами, «обреченными» на провал.

В конце сентября Верховский написал в дневнике, видимо имея в виду министра Третьякова: «Один из наших круп-

ных промышленников, член Временного правительства, думает, что мы должны прекратить борьбу и *позволить анархии восторжествовать*. Тогда люди поймут, к чему это ведет, и вернуться к здравому смыслу».

Принять тактику доведения социальной демократии до абсурда означало бы сыграть на руку большевизму. Это было бы использованием правила «чем хуже, тем лучше». С этой точки зрения важнее всего было не позволить взять власть умеренным партиям Совета. Пусть волна смоеет их и поднимет на гребень самых левых, мысли и дела которых «левее здравого смысла».

Естественно, все попытки Верховского были бессильны против этого двойного кордона: стремления Керенского осуществлять «правую политику руками левых» и блаженного «чем хуже, тем лучше» буржуазного фланга правительства.

Доведенный до отчаяния, Верховский сделал два неосторожных шага. На тайном совещании комиссии вновь созданного совещательного предпарламента Терещенко уговорил его описать истинную ситуацию в армии, и по-солдатски прямой Верховский нарисовал обескураживающую картину состояния последней и ее неспособность воевать в таких условиях. Затем на заседании Временного правительства Верховский заявил, что «власть, данная военному министру, слишком ограничена» для того, чтобы создать условия, необходимые для возрождения армии и спасения страны от уничтожения.

Позже даже такие правые кадеты, как Владимир Набоков, признавали, что в первом вопросе «он был, к несчастью, абсолютно прав». В сущности, во втором вопросе он был прав тоже. Армию можно было сохранить и возродить не той или иной чисто военной мерой, которая была в компетенции военного министра, а лишь новой политикой, проводимой всем Временным правительством.

Но Верховский, который сотрудничал с Советами и, казалось, унаследовал испарившуюся популярность Керенского, стал для большинства правительства такой же одиозной личностью, какой прежде был Чернов. Легче было от него избавиться. Бурцевское «Общее дело», нарушив секретность заседаний кабинета министров, опубликовало сенсационный, намеренно фальшивый отчет о том, что генерал Верховский

толкал правительство на заключение сепаратного мира с Германией. Кроме того, неназванный источник во Временном правительстве намекнул, что генерал Верховский предложил сделать его диктатором.

Судьба Верховского была решена. Правительство отправило его в «двухнедельный отпуск». Керенский потребовал от Верховского обещания немедленно покинуть Петроград. Взамен появилось сухое официальное коммюнике, отрицавшее, что Верховский предлагал сепаратный мир.

Единственный человек во Временном правительстве, который еще пытался (возможно, неуклюже) проявить творческую инициативу, был выброшен за борт.

Глава 19

ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Яркой особенностью 1917 г. был беспрецедентный рост партии социалистов-революционеров. На первом Съезде городских Советов социалисты-революционеры и сочувствующие им имели больше 300 представителей — почти втрое больше, чем фракция большевиков. В новой Петроградской думе эсеры были самой многочисленной фракцией: сначала они имели 54 места, а после дополнительных выборов — 75. В Московской думе они имели 226 мест, то есть около 60% от ее общего состава. В обеих столицах эсерам принадлежало большинство.

На Первом Всероссийском съезде крестьянских Советов 776 опрошенных делегатов разделились следующим образом: социал-демократы (большевики, меньшевики и т. д.) — 103, беспартийные — 136, социалисты-революционеры — 537. Когда большинство в Петроградском совете перешло к большевикам, 5 мест в президиуме осталось за оппозицией, в том числе 3 за эсерами и 2 за меньшевиками. На августовских выборах в Петроградскую городскую думу большевики почти удвоили свое представительство, получив 67 вместо 37 мест. Несмотря на полный крах народных социалистов (2 места вместо 17) и меньшевиков (8 вместо 40), социалисты-рево-

- ¹ Предисловие В.А. Маклакова к книге «La chute du tsarisme» («Падение царизма»). Paris, 1927.
- ² *Лукомский*. Воспоминания. Т. 1. С. 259.
- ³ Там же. С. 261.
- ⁴ 1917 год в воспоминаниях и документах: Разложение армии / Под ред. Н. Какурина. Документы № 146—149.
- ⁵ *Кропоткин П.* Сочинения. М., 1919. Т. 2. С. 407, 421, 290, 465.
- ⁶ Родина. 1920. № 5.